Минимальный процессуальный статус членов семьи должника в деле о банкротстве гражданина: конституционные основания и пределы участия

Будаков Темур Авдулбакыевич
Аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, y.temur@ya.ru

В статье исследуется процессуальное положение членов семьи гражданина-должника в тех эпизодах дела о банкротстве, где судебное решение способно непосредственно изменить их жилищное, имущественное или социальное положение. Показано, что действующее регулирование содержит отдельные механизмы защиты супруга, бывшего супруга и иных затронутых лиц, однако не формирует общего стандарта участия семьи. Автор предлагает критерий прямого и существенного затрагивания прав и связывает с ним ограниченный, предметно обусловленный процессуальный статус – извещение, возможность представить доказательства и возражения, а также обжаловать судебный акт в затрагивающей части. Отдельно обосновывается участие органа опеки и попечительства в ситуациях реального риска существенного ухудшения положения несовершеннолетнего. Предлагаемая конструкция не превращает членов семьи в сторону всего дела о банкротстве; ее назначение состоит в том, чтобы обеспечить суд фактическими данными, необходимыми для проверки соразмерности вмешательства в семейно чувствительных вопросах.

Ключевые слова: банкротство граждан; несостоятельность; члены семьи должника; процессуальный статус; право на судебную защиту; орган опеки и попечительства; несовершеннолетние; жилищные права; добросовестность; Конституционный Суд Российской Федерации.

1. Введение

Процессуальная схема банкротства гражданина обычно описывается через фигуры должника, кредиторов, финансового управляющего и суда. Для объяснения движения дела этого достаточно. Для оценки его последствий – уже нет. В потребительском банкротстве имущественная сфера должника почти неизбежно соприкасается с семейной, супруг пользуется общим имуществом, ребенок проживает в жилом помещении должника, иждивенец зависит от средств, которые в процедуре могут стать предметом спора. Поэтому формальное несовпадение статуса должника и статуса членов его семьи еще не означает раздельности их фактического положения.

Наиболее остро эта проблема проявляется не на уровне дела «вообще», а в отдельных точках процедуры. Продажа жилья может изменить место и условия проживания ребенка. Решение о составе конкурсной массы – затронуть долю супруга. Отказ сохранить денежные средства – сказаться на фактическом содержании несовершеннолетнего. План реструктуризации, рассчитанный без обязательных семейных расходов, способен оказаться исполнимым на бумаге и нереальным в жизни. Во всех этих случаях член семьи может не быть стороной обязательства перед кредитором, однако последствия судебного акта для него вполне конкретны.

Отсюда возникает процессуальный вопрос, который в действующей модели решен лишь частично. Кто и каким образом должен довести до суда сведения о положении лица, непосредственно затронутого решением? Право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 Конституции Российской Федерации, теряет значительную часть практического содержания, если заинтересованное лицо узнает о вмешательстве лишь после принятия акта и вынуждено начинать защиту с его обжалования.

Цель статьи состоит в обосновании минимального процессуального статуса членов семьи должника. Автор исходит из ограниченной конструкции. Родство само по себе не дает оснований вводить человека в каждый эпизод банкротного дела. Но когда конкретный вопрос прямо связан с его правом и возможные последствия существенны, процесс должен предоставить такому лицу возможность быть услышанным до принятия решения. Именно границы этой конструкции, а не расширение состава участников как самоцель, составляют предмет исследования.

2. Конституционно-правовое основание участия семьи в деле о банкротстве

Конституционное основание предлагаемой модели образуется на пересечении нескольких гарантий, причем простого перечисления статей здесь недостаточно. Статья 40 Конституции Российской Федерации защищает жилищную сферу, статья 38 требует учитывать охрану семьи и детства, а социальная характеристика государства, закрепленная статьей 7, не позволяет оценивать правовое регулирование без внимания к последствиям для уязвимых лиц. Однако материальная гарантия остается неполной, если сведения о затрагиваемом интересе не могут попасть в процесс до принятия решения. Эту связующую функцию выполняет статья 46 – судебная защита предполагает реальную возможность представить суду обстоятельства, от которых зависит сохранение защищаемого права.

Для банкротства гражданина такая связь имеет вполне прикладное содержание. Например, вопрос о реализации жилья одновременно касается объема удовлетворения требований кредиторов и условий проживания семьи. Спор о сумме, сохраняемой должнику, может оказаться спором о фактическом содержании ребенка. Поэтому семейные обстоятельства входят в судебную оценку не из-за абстрактной «социальности» банкротства, а тогда, когда без них невозможно установить действительную цену вмешательства.

Эту логику подтверждает развитие конституционно-судебной практики. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П, посвященном пределам исполнительского иммунитета единственного жилья гражданина-банкрота, допустимость вмешательства была связана с судебной оценкой конкретных обстоятельств и обеспечением должнику и членам его семьи жилища, не меньшего по площади, чем предусмотрено нормами предоставления жилья на условиях социального найма. В Постановлении от 14 апреля 2022 г. № 15-П Суд рассматривал уже иную ситуацию – сохранение в конкурсной массе средств на несовершеннолетнего ребенка – и отверг подход, при котором обязанность второго родителя механически уменьшает защищаемый минимум без исследования реального содержания ребенка. Эти дела различны по предмету, но сходятся в одном – социально значимый результат нельзя выводить только из формального статуса имущества или общей семейно-правовой обязанности.

Показательно и Постановление от 4 июня 2024 г. № 28-П о средствах, оставшихся после реализации единственного ипотечного жилья. Конституционный Суд связал решение вопроса об исполнительском иммунитете с фактическими жилищными потребностями должника и членов его семьи, одновременно допустив учет недобросовестного поведения. Здесь особенно ясно видна необходимость индивидуализированной оценки, один и тот же формальный объект – денежный остаток после продажи жилья – требует анализа семейной ситуации, поведения участников и последствий для жилищной обеспеченности.

При этом из названных постановлений нельзя прямо вывести уже готовый «процессуальный статус семьи», Конституционный Суд его не формулировал. Это принципиальная оговорка. Материально-правовые позиции Суда служат основанием для следующего, авторского шага – если результат зависит от состава семьи, условий проживания, фактического содержания ребенка и иных конкретных обстоятельств, процесс должен иметь канал для поступления этих сведений от лица, чьи права затрагиваются. В таком понимании минимальный процессуальный статус является не пересказом позиции Конституционного Суда, а предлагаемым способом ее последовательной реализации в банкротном судопроизводстве.

Сходную мысль высказывал Н. С. Бондарь, писавший о конституционном правосудии как о поиске баланса власти и свободы. Защитить право, по его логике, нельзя одним лишь провозглашением ценности – нужна юридическая проверка самой меры вмешательства. Применительно к нашей теме отсюда вытекает довольно простое соображение. Убедительно мотивировать соразмерность на неполной фактической базе попросту не получится. Когда сведения о семье суд получает только от должника (а порой не исследует их вовсе), оценка последствий превращается в предположение, оторванное от реальной жизненной ситуации.

3. Пробелы действующей процессуальной модели

Было бы неверно утверждать, будто действующее право вовсе игнорирует членов семьи должника. Возможности для них существуют, просто разбросаны по разным правовым конструкциям. Так, АПК РФ описывает круг лиц, участвующих в деле, допускает привлечение третьих лиц, а лицу, которое в деле не участвовало, оставляет право обжаловать акт, если суд разрешил вопрос о его правах и обязанностях. Свой инструмент имеется и в Законе о банкротстве – там отдельно учтен режим общего имущества супругов. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также последовательно конкретизируют положение супруга и бывшего супруга в имущественных спорах.

Проблема состоит в отсутствии общего основания, которое срабатывало бы до принятия судебного акта. Супружеский имущественный интерес правопорядок распознает сравнительно хорошо. Существует объект совместной собственности, доля, сделка, требование о разделе. Положение ребенка устроено иначе. Его интерес может проявляться через фактическое проживание, объем содержания, доступ к лечению или необходимость сохранить конкретную жизненную среду. Такой интерес труднее «увидеть» средствами классического имущественного спора, хотя последствия решения для ребенка могут быть тяжелее.

Есть и временной разрыв. Если член семьи не был извещен, защита нередко начинается после принятия акта. Формально возможность обжалования существует, но она не равноценна участию при первоначальном установлении фактов. К этому моменту спор уже получил определенную процессуальную рамку, доказательства исследованы, а затронутое лицо вынуждено объяснять, почему обстоятельства, ранее не представленные суду, вообще должны изменить состоявшийся вывод.

Поэтому требуется критерий, который одновременно отсечет участие родственников, не имеющих собственного затрагиваемого интереса, и не позволит оставить за пределами процесса человека, для которого решение создает непосредственный и серьезный риск. Такой критерий предлагается обозначить как прямое и существенное затрагивание прав.

4. Критерий прямого и существенного затрагивания прав

Первый элемент критерия – прямота воздействия. Между разрешаемым вопросом и положением конкретного лица должна существовать юридически значимая связь. Для супруга ею может быть право на долю в общем имуществе; для ребенка – право пользования жилым помещением или право на содержание; для иждивенца – установленная зависимость от средств должника. Фактическое совместное проживание также может иметь значение, но не как самостоятельный универсальный пропуск в процесс, а как обстоятельство, раскрывающее реальность последствий.

Второй элемент – существенность. Банкротство почти всегда создает неудобства для семьи, и было бы ошибкой превращать каждое из них в процессуальное основание. Порог должен быть выше. Речь идет о риске утраты или серьезного ухудшения жилищных условий, заметном сокращении средств на содержание ребенка, изменении прав на совместное имущество либо о таком воздействии на семейный бюджет, которое ставит под сомнение удовлетворение базовых потребностей. Когда речь идет о несовершеннолетнем, дополнительным аргументом способен стать разрыв устойчивой связи с образовательной или медицинской инфраструктурой – разумеется, лишь при подтверждении этого обстоятельствами дела.

У критерия, как нетрудно заметить, двойное действие. С одной стороны, он сдерживает расширение круга участников – одного родства для входа в спор мало. С другой стороны, связанным оказывается и усмотрение самого

суда. Если прямая связь и существенный риск установлены, относиться к затронутому лицу как к постороннему наблюдателю суд уже не вправе.

Никакой громоздкой дополнительной процедуры для практической проверки не требуется. Суд определяет предмет обособленного спора или ходатайства, соотносит с ним право либо законный интерес члена семьи и уже потом смотрит, насколько серьезны возможные последствия. Подчеркнем, что перед нами последовательность проверки, а не формальный тест из трех галочек. Решающее слово остается за мотивированным выводом суда – есть существенный риск или его нет.

5. Содержание минимального процессуального статуса членов семьи должника

Предлагаемый статус ограничен предметом конкретного вопроса. Член семьи не получает полномочий участника всего дела только потому, что спор о жилье или содержании ребенка затронул его права. За пределами соответствующего эпизода его процессуальное положение не меняется. Эта граница необходима, чтобы новая гарантия не превратилась в параллельную сторону банкротства.

Первое необходимое право – своевременное извещение. Его смысл состоит не в формальной доставке сообщения, а в возможности понять, какой вопрос рассматривается и подготовить позицию. Последующее обжалование не устраняет полностью дефект неизвещения, апелляция начинается уже после того, как первая инстанция сформировала фактические и правовые выводы.

Второе – возможность представить доказательства. Именно член семьи может располагать документами и сведениями о фактическом проживании, расходах на ребенка, лечении, источниках содержания или последствиях переезда. В споре о замещающем жилье, например, абстрактного сравнения площади двух помещений может оказаться недостаточно, если ребенок регулярно получает медицинскую помощь в конкретном месте и перенос проживания объективно меняет доступ к ней. Такие обстоятельства не предрешают спор, но должны иметь процессуальный путь к суду.

Третье право состоит в представлении объяснений и возражений. Затронутое лицо должно иметь возможность показать не только сам вред, но и наличие менее обременительной альтернативы. Особую ценность такая возможность приобретает в ситуациях, когда допустимых вариантов несколько и суду предстоит взвесить соразмерность каждого из них.

Замыкает перечень право обжаловать судебный акт – но только в затрагивающей части. Эта оговорка принципиальна. Пересматривать все банкротное дело и оспаривать любой вывод суда член семьи не может; жалоба допустима лишь по тому вопросу, который непосредственно повлиял на его собственные права или законные интересы.

В итоге минимальный статус складывается из извещения, возможности представить доказательства, возражения и объяснения, а также ограниченного права обжалования. Подбор элементов не случаен, за каждым стоит свой процессуальный риск. Лицо может попросту не знать о споре; фактическая база может остаться неполной, собственная позиция – непредставленной, а решение – непроверенным вышестоящим судом.

6. Узловые вопросы банкротства, требующие участия семьи

Перечень семейно чувствительных вопросов не должен быть закрытым, однако несколько групп споров обнаруживаются уже в действующей практике.

Прежде всего это единственное жилье. После Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П/2021 спор может касаться не только наличия иммунитета как такового, но и избыточности жилья, условий его реализации и характеристик замещающего помещения. Для семьи различие между этими вопросами вторично, итог способен изменить место и условия проживания. Поэтому сведения о фактическом составе проживающих и последствиях переселения имеют самостоятельное значение.

Вторая группа – общее имущество супругов. Здесь связь с правом супруга наиболее очевидна. Включение объекта в конкурсную массу, определение долей, порядок реализации и оценка внутрисемейных сделок могут непосредственно изменить его имущественное положение. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П, выявившее пробел в регулировании преимущественного права покупки доли при ее реализации в банкротстве, дополнительно показывает, что банкротная продажа общего имущества способна затрагивать права иных собственников особым образом и требует специальных процессуальных решений.

Третья группа – средства на содержание детей и иждивенцев. Конкретный ориентир здесь дает Постановление № 15-П/2022. Суть его сводится к тому, что формальная ссылка на равную обязанность родителей содержать ребенка не освобождает суд от исследования фактической ситуации. Идет ли спор о прожиточном минимуме, алиментах, пособиях или иных целевых средствах – суду в любом случае нужны данные о том, кто реально несет расходы и какие потребности требуют обеспечения.

Четвертую группу образуют споры вокруг плана реструктуризации. Арифметически исполнимый план вполне может оказаться нежизнеспособным. Средства на обязательные платежи кредиторам в нем предусмотрены, а вот постоянное лечение ребенка, содержание иждивенца или объективные жилищные затраты остались за скобками. Семейные данные в подобном споре служат не освобождению должника от обязанностей – они позволяют проверить, реалистичен ли сам план.

Последняя ситуация – переход конфликта из внесудебной процедуры в судебную. Внесудебное банкротство как таковое построено на формальных критериях, постоянное участие семьи ему не нужно. Иное дело, когда возникает судебный спор об имуществе, добросовестности или прекращении процедуры, а его исход прямо отражается на правах ребенка либо иждивенца. Игнорировать критерий прямого и существенного затрагивания в такой момент нет никаких оснований.

7. Участие органа опеки и попечительства как гарантия интересов несовершеннолетних

Сам по себе факт, что у должника есть ребенок, еще не повод привлекать орган опеки и попечительства ко всему делу. Подобная модель избыточна – содержательная гарантия при ней быстро выродилась бы в формальность. Основание для привлечения появляется лишь тогда, когда конкретное решение создает реальный риск серьезного ухудшения жилищного, имущественного или социального положения несовершеннолетнего.

Роль органа опеки не совпадает ни с ролью суда, ни с ролью законного представителя. Спор он не разрешает, дополнительным кредитором или защитником должника не становится. От него требуется другое – профессионально оценить, чем решение обернется для ребенка. Сохранится ли приемлемая жилищная обеспеченность? Как изменится доступ к лечению и обучению? Не упадет ли после изъятия средств содержание ниже необходимого уровня? На такие вопросы его заключение и должно отвечать.

Четыре ситуации напрашиваются сами собой. Это реализация единственного жилья, где фактически живет ребенок; определение параметров замещающего помещения или денежной суммы на его покупку; спор о средствах на содержание несовершеннолетнего; наконец, любое иное решение, способное – при подтверждении материалами дела – серьезно изменить условия проживания, обучения либо лечения. Пользоваться этим перечнем стоит как ориентиром, а не как автоматическим набором оснований.

Суд заключением органа опеки не связан. Такое заключение – лишь одно из доказательств; суд оценивает его наряду с остальными и при мотивированном несогласии вправе отвергнуть. Однако когда риск для ребенка очевиден, а профессиональной оценки последствий в деле нет вовсе, это уже требует отдельного объяснения. В противном случае ссылка на интересы несовершеннолетнего рискует так и остаться декларацией.

Никакого семейного иммунитета от банкротства подобное участие, разумеется, не создает. Задача у него куда скромнее – встроить интерес ребенка в фактическую и аргументационную ткань судебного решения.

8. Нормативная институционализация минимального статуса

Внедрять модель разумно поэтапно. Для начала общий ориентир мог бы сформулировать Верховный Суд Российской Федерации в разъяснениях по делам о банкротстве граждан. Смысл разъяснения видится таким – когда предмет обособленного спора прямо связан с правом члена семьи, а возможные последствия для этого права существенны, суд извещает такое лицо и дает ему высказаться в пределах соответствующего вопроса. Достоинство этого пути в том, что подход удастся обкатать на практике, не перестраивая закон немедленно.

Однако для устойчивого решения предпочтительно законодательное закрепление. Главу X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» целесообразно дополнить нормой о предметно ограниченном участии членов семьи. В ней следует назвать критерий прямого и существенного затрагивания прав и минимальные возможности лица (извещение, представление доказательств, объяснений и возражений, обжалование акта в затрагивающей части). Упоминание жилья, общего имущества супругов, содержания несовершеннолетних и плана реструктуризации может служить перечнем типовых ситуаций, но не заменять сам критерий.

Отдельная норма необходима для органа опеки и попечительства. Обязанность запросить заключение следует связывать не с фактом наличия детей, а с установленным риском существенного ухудшения положения несовершеннолетнего. Такая формула одновременно предотвращает массовое формальное привлечение органа опеки и дает суду понятное основание для его участия.

Предлагаемая институционализация точечна. Она не меняет очередность удовлетворения требований, состав процедур или полномочия финансового управляющего. Меняется момент, в который затронутое лицо получает голос до принятия решения, а не только после него. Это способно уменьшить и число последующих конфликтов, поскольку фактические обстоятельства исследуются в первой инстанции, когда спор еще не обременен необходимостью пересмотра уже сформированных выводов.

Минимальный процессуальный статус, таким образом, нужен и самой процедуре. Более полная фактическая база делает мотивировку проверяемой, из судебного акта должно быть видно, какие семейные последствия установлены, почему они признаны существенными либо несущественными и каким образом соотнесены с правами кредиторов.

Заключение

Проведенное исследование приводит к пяти основным выводам.

Во-первых, семейные последствия банкротства гражданина имеют юридическое значение не сами по себе, а в тех случаях, когда конкретный судебный вопрос способен изменить права или законные интересы супруга, ребенка либо иждивенца. Наиболее очевидные примеры связаны с жильем, общим имуществом, средствами на содержание и реструктуризацией долгов.

Во-вторых, действующее регулирование содержит отдельные защитные механизмы, но не дает общего стандарта раннего включения затронутого члена семьи в процесс. Особенно заметен разрыв между сравнительно развитой защитой имущественного интереса супруга и менее определенным процессуальным положением несовершеннолетнего.

В-третьих, решение не требует превращения семьи в самостоятельную сторону всего дела. Предлагаемый статус привязан к конкретному вопросу и охватывает четыре возможности – своевременное извещение, представление доказательств, объяснений и возражений, а также обжалование акта в затрагивающей части.

В-четвертых, основанием участия призван служить критерий прямого и существенного затрагивания прав. От суда он требует сперва найти связь между предметом спора и правом конкретного лица, а затем взвесить, насколько серьезными могут оказаться последствия. Одного родства, не подкрепленного такой связью, мало.

В-пятых, когда возникает реальный риск серьезного ухудшения положения несовершеннолетнего, к процессуальной оценке стоит подключать орган опеки и попечительства. Спор его заключение не предрешает – оно лишь снабжает суд профессионально подготовленными сведениями о том, чем решение обернется для ребенка.

Общий авторский вывод таков. Материальные семейные и жилищные гарантии, уже развитые практикой Конституционного Суда Российской Федерации, останутся неполными без процессуального канала, по которому сведения о семье попадают в дело. Минимальный статус членов семьи и предлагается в качестве такого канала. Он открывает возможность исследовать семейные последствия там, где они по-настоящему серьезны, причем без ломки сложившейся архитектуры банкротного дела и без ослабления защиты прав кредиторов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последующих поправок).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.

5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

6. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 15-П.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П.
13. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45.
14. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40.
16. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан. утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.
17. Авакьян С. А. Конституционное право России. учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020.
18. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.
19. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.
20. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики: монография. М.: Юрайт-Издат, 2007.
21. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.
22. Уксусова Е. Е. Дела о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном судопроизводстве: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 88-99.
23. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008.
24. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.
25. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

Minimum Procedural Status of Debtor's Family Members in a Citizen's Bankruptcy Case: Constitutional Grounds and Limits of Participation

Budakov T.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the procedural position of family members of an individual debtor in those parts of personal insolvency proceedings where a judicial decision may directly alter their housing, property or socially significant position. It argues that Russian law contains separate protective mechanisms for spouses, former spouses and other affected persons but does not establish a coherent standard of family participation. The author proposes a criterion of direct and substantial impact on rights and links it to a limited, issue-specific procedural status comprising notification, the opportunity to submit evidence and objections, and the right to appeal the judicial act insofar as it affects the person concerned. Particular attention is paid to the participation of guardianship authorities where there is a real risk of substantial deterioration in a minor's position. The proposed model does not turn family members into parties to the entire bankruptcy case; its purpose is to provide the court with the factual basis required for proportionality review in family-sensitive matters.

Keywords: personal insolvency; bankruptcy; family members of the debtor; procedural status; right to judicial protection; guardianship authority; minors; housing rights; good faith; Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as subsequently amended).
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ.
4. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ.
5. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ.
6. On Guardianship and Trusteeship: Federal Law of April 24, 2008, No. 48-FZ.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2023 No. 23-P.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2024 No. 11-P.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 28-P.
13. On Certain Issues Related to the Implementation of Procedures Applied in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Individuals: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45.
14. On Certain Issues Related to the Specifics of Formation and Distribution of Bankruptcy Estates in Bankruptcy Cases of Individuals: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024 No. 40.
16. Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Individuals. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025.
17. Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Study Course: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020.
18. Bondar N. S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation. Moscow: Yustitsinform, 2005.
19. Antokolskaya M. V. Family Law: Textbook. 3rd revised and enlarged edition. Moscow: Norma; INFRA-M, 2013.
20. Nechaeva A. M. Family Law: Current Issues of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Yurait-Izdat, 2007.
21. Krasheninnikov P. V. Housing Law. 12th revised and enlarged edition. Moscow: Statut, 2020.
22. Uksusova E. E. Insolvency (Bankruptcy) Cases in Arbitration Proceedings: Features of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2017. No. 9. Pp. 88-99.
23. Karelina S. A. Mechanism of Legal Regulation of Insolvency Relations: Monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2008.
24. Popondopulo V. F. Bankruptcy. Legal Regulation: Scientific and Practical Handbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2016.
25. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.